

18+

Ерлан Болысбеков

Легенда о собаке Баскербая

Ерлан Болысбеков

Легенда о собаке Баскербая

«Издательские решения»

Болысбеков Е.

Легенда о собаке Баскербая / Е. Болысбеков — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Аул у подножия Алатау охвачен страхом: из недостроенной плотины доносится вой, на бетоне — следы гигантского пса, а гидротехника находят мёртвым от ужаса, без единой раны. Сыщик Шерхан Халмырза и доктор Батырбек приезжают отделить науку от суеверия — и обнаруживают, что настоящий демон носит человеческое лицо. Честный детектив о том, как страх становится инструментом власти, а благие намерения оборачиваются трагедией.

© Болысбеков Е.

© Издательские решения

Содержание

Легенды собаки Баскербая	6
Пролог. Метод Халмырзы	6
Глава 1. Гул над Черным Оврагом	8
Глава 2. Гость из-за океана	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Легенда о собаке Баскербая

Ерлан Болысбеков

© Ерлан Болысбеков, 2026

ISBN 978-5-0070-8815-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Легенды собаки Баскербая

Пролог. Метод Халмырзы

Дождь в Алматы начинается всегда внезапно, превращая шумные улицы в блестящие асфальтовые реки — но в кабинете Шерхана Халмырзы время текло по своим, особо проверенным законам.

Комната на втором этаже старого дома на улице Тулебаева пропиталась сухим ароматом чабреца, старых бумаг и крепкого заварного чая. Одну стену целиком занимали топографические карты — старые, потрёпанные по краям, испещрённые пометками разных лет: горные хребты Заилийского и Джунгарского Алатау, речные системы, старые караванные тропы, давно исчезнувшие с современных атласов. На низком столике, среди хаотичных гор архивов и газетных подшивок, тихо посвистывал электрический чайник — единственная уступка Шерхана двадцатому веку.

Батырбек Уатсынов, устроившись напротив на мягкой корпеше, аккуратно протирал спиртовой салфеткой дужки очков.

— Ты опять за своё, Шерхан, — вздохнул доктор, водружая очки на нос. — Я утверждаю, что провёл выходные тихо, дома, с женой. А ты с порога заявляешь, будто я полдня простоял в очереди в поликлинике за справкой для золовки.

— Полно тебе, Баке, — Шерхан не поднял головы от лупы. — Твой манжет в свежей заварке — ты левша, дёргаешь чашку, только когда нервничаешь, а нервничаешь ты исключительно от разговоров с сестрой жены. А незаполненный рецептурный бланк с её фамилией на твоём же столе красноречивее любой справки: договориться вы снова не смогли.

Батырбек замер с пиалой у губ, потом досадливо покачал головой:

— Когда-нибудь я отучу тебя смотреть на людей как на лабораторные препараты.

— Человек сам даёт себе диагноз, Баке. Нужно лишь не мешать ему открывать рот, — невозмутимо ответил Шерхан.

В этот момент со стороны лестницы донёсся странный шум. Это не был уверенный стук гостя — скорее, за дверью происходила глухая, суетливая борьба человека с самим собой: шарканье подошв, невнятное бормотание, звук шагов, которые дважды подходили к двери и дважды отступали.

— Как думаешь, кто там? — тихо спросил Батырбек, откладывая пиалу. — Посыльный из прокуратуры?

— Посыльные стучат так, будто у них в руках санкция на арест здания, — покачал головой Шерхан. — А этот бедолага топчется на пороге уже четвертую минуту. И, судя по тихому металлическому звону в кармане его пальто, при каждом шаге он сверяется с зашитым в подкладку тумаром — то ли за смелость молится, то ли просто не решается позвонить.

Шерхан повысил голос, не меняя позы:

— Заходите уже! Дверь не заперта, а духи степи, вероятнее всего, застряли в пробке на Достык!

Дверь распахнулась. В кабинет буквально ввалился молодой человек — бледный, с портфелем, прижатым к груди, как щит, и с тем особым видом человека, который всю дорогу репетировал уверенное вступление и растерял его на последней ступеньке.

— Откуда... откуда вы знаете, что я не позвонил в дверь?! — выдохнул он.

— Оттуда же, откуда знаю, что вы учитель истории, приехали дневным поездом и сжимаете в кармане тумар крепче, чем собственный портфель, — Шерхан кивнул на кресло. —

Мозоли от чернил на пальцах, алатауская глина на брюках, использованный билет в кармане пальто. Остальное доскажете сами. Присаживайтесь.

— Не смущайтесь, — Батырбек добродушно подвинул к гостю пиалу с чаем. — В этом доме от призраков только один рецепт: горячий чай и способность закрыть рот и рассказать всё по порядку.

Молодой человек тяжело опустился на край кресла, обеими руками принял пиалу — чай слегка вернул краски его лицу, но взгляд оставался затравленным.

— Меня зовут Кайсар. Учитель истории, аул Баскербай, — заговорил он, то и дело оглядываясь на окно, будто ожидал, что дождь принесёт что-то ещё, кроме воды. — Наш следователь, Нурлан-ага, сам отправил меня к вам — сказал, если кто и разберётся без лишнего шума, так это Шерхан Халмырза, о вас в районе давно наслышаны. Этой ночью у Чёрного Оврага погиб наш гидротехник, Аскар-ага. Я как узнал — сразу на поезд.

— Сердечный приступ? — профессионально уточнил Батырбек. — В его возрасте ночная прогулка по обрыву — уже риск сам по себе.

— Если бы, доктор! — голос Кайсара сорвался. — Аул гудит: старики говорят, его достал пёс Баскербая! Демон, что сторожит овраг ещё с тех времён, когда там стоял караван-сарай самого бая — жестокого человека, чьё золото охранял огромный чёрный пёс с глазами цвета серы! Когда бая настигли в бунте, он бросился в поток вместе со своим псом — и проклял это место: пока не вернут его золото, пёс будет выть и убивать всякого, кто придёт сюда с железом!

— И сколько лет этому проклятию? — с лёгким скепсисом спросил Батырбек.

— У нас единого мнения нет, — честно признался Кайсар. — Бабушка говорит — при царе было. Дед — что ещё раньше. Один сосед вообще уверяет, что это случилось «примерно тогда же, когда советская власть колодец копала» — по-моему, тут уже две легенды слиплись в одну.

— Дай угадаю, — Батырбек скрестил руки. — Пёс проснулся ровно тогда, когда на овраг пригнали экскаваторы под плотину?

— Именно! Сначала ломались свёрла. Потом по ночам из вытяжной шахты пошёл вой — не ветер, доктор, настоящий, утробный гул! А сегодня на технологической площадке нашли Аскара-ага. Без единой царапины на теле! С застывшим на лице ужасом!

Шерхан медленно поставил лупу на стол, и сонная лень в его взгляде мгновенно сменилась острым интересом.

— Тело ещё там, — добавил Кайсар. — Следователь велел не трогать до вашего осмотра. Аким кричал, что это остановит стройку, но его не послушали.

— Утробный гул на весь аул и ни единой раны на теле, — Шерхан подошёл к окну, глядя на дождь. — Легенда впечатляющая. Но у воя, который будит целый посёлок, всегда находится вполне материальный хозяин. Собирайся, Баке. Выезжаем немедленно. Вы с нами, Кайсар — покажете дорогу.

Кайсар вскочил, судорожно дожёвывая баурсак:

— С удовольствием, а то на вокзале до утреннего поезда — то ещё удовольствие.

Батырбек вздохнул, глядя на опустевшую пиалу:

— Прощай, тихий вечер дома.

— Он был обречён с той секунды, как в дверь позвонили с четвёртой попытки, — Халмырза уже стоял в дверях. — Идём. У нашего демона, подозреваю, найдётся с собой паяльник.

Едва за учителем закрылась дверь, из подъезда донёсся звук — Кайсар, забыв, что уже вышел на улицу, вернулся за зонтом, который забыл в прихожей, вежливо извинился три раза подряд и снова исчез. Батырбек проводил его взглядом:

— Знаешь, Шерхан, если весь аул хоть немного похож на этого молодого человека, нас ждёт увлекательная неделя.

Глава 1. Гул над Черным Оврагом

Ноябрь в Джунгарском Алатау — это время, когда даже бродячие собаки стараются оформить временную прописку в каком-нибудь отапливаемом сарае. Холодный, колющий ветер дул со стороны границы, переваливал через голые хребты и со свистом вкручивался в узкое ущелье Чёрного Оврага, выдувая последние остатки тепла из старенького «Фольксвагена» Халмырзы.

На заднем сиденье, зажатый между портфелем и запасным колесом, сидел Кайсар, то и дело протирая рукавом запотевшее стекло.

— Шерхан, я, конечно, уважаю твоё стремление выезжать затемно, — проворчал Батырбек, глубже зарываясь носом в воротник пальто. — Но если мы застрянем в этой промоине, я напишу в акте, что причина моей смерти — банальное переохлаждение на почве общения с неисправимым логиком, который встаёт до петухов.

— Не застрянем, Баке, — хладнокровно отозвался Шерхан, выкручивая руль на разбитой грейдерной дороге. — У этой машины прекрасный немецкий клиренс. До первой серьёзной ямы.

— Вот именно, до первой. А первая яма растянулась километра на три.

— Кстати про акима, — подал голос Кайсар с заднего сиденья. — У нас говорят: если яма достаточно большая, значит, он её честно заказал. А если дороги нет вообще — значит, заказал дважды.

— Философ, — хмыкнул Батырбек. — Года через два вас точно позовут в акимат — либо советником, либо подозреваемым.

Кайсар, разглядывая приборную панель, заметил, что вместо навигатора на телефоне Шерхан то и дело сверяется с потрёпанной бумажной картой, разложенной у себя на коленях.

— Вы что, не доверяете телефону? — с любопытством спросил учитель.

— Телефон знает, где дорога, — не отрываясь от руля, ответил Шерхан. — А карта помнит, где дорога была раньше. Иногда старое русло арыка или заброшенная тропа говорят о месте больше, чем свежий асфальт.

— Он с юности этим увлекается, — вставил Батырбек, слегка закатив глаза. — Дома у него этих карт — на всю стену. Я как-то подарил ему навигатор на день рождения. Он его использует как подставку под чайник.

— Практичная вещь, — невозмутимо заметил Шерхан. — Держит тепло лучше, чем врёт про пробки.

— Кстати, о подозреваемых, — Шерхан покосился в зеркало заднего вида. — Кайсар, а зачем вы взяли с собой два тумара?

Кайсар вздрогнул и машинально ощупал карман:

— Откуда вы... я один взял!

— Один на шее, второй пришит внутри подкладки куртки — вон, ниточки другого цвета торчат, — невозмутимо ответил Шерхан. — Кто вам его туда пришил? Мать или бабушка?

— Бабушка, — уныло признался учитель. — Сказала, один — от сглаза, второй — от волка. Она у нас на все случаи по тумару держит.

— Практичная женщина, — заметил Батырбек. — В случае встречи с волком-оборотнем-сглазчиком вы, стало быть, полностью экипированы.

Кайсар насупился, но промолчал.

На повороте их обогнал древний мотоцикл «Урал» с коляской, за рулём которого восседал старик в танкистском шлеме, а в коляске — привязанный верёвкой мешок с мукой, подпрыгивающий на каждой яме.

— Местный лихач, — прокомментировал Кайсар с гордостью, будто речь шла о звезде «Формулы-1». — Дядя Толеу. Говорит, шлем ему ещё дед оставил, «от контузии бережёт». Хотя, по-моему, там и беречь особо нечего.

Когда «Фольксваген» перевалил последний холм, впереди, у перекошенного деревянного указателя «Баскербай», уже маячила размытая дождями обочина, а чуть дальше — серые быки недостроенной плотины, похожие в темноте на спину какого-то огромного уснувшего животного.

— Приехали, — Кайсар подался вперёд между сиденьями. — Вон там, у вытяжной шахты...

Договорить он не успел. Из бетонной трубы вырвался гул — низкий, дрожащий, будто где-то в темноте гудел исполинский чайник, забытый на плите. Стёкла машины мелко зазвенели, а в придорожной луже побежала частая рябь.

Кайсар вжался в сиденье, вцепившись обеими руками в ручку двери — так, что костяшки побелели.

— Сразу видно бывалого краеведа, — тихо заметил Батырбек, оборачиваясь. — Резонанс двигателя определяет по цвету лица.

— Я... я просто держусь, чтобы на повороте не мотало! — краснея до ушей, попытался спасти лицо Кайсар. — А звук... ну да, паршивый звук. Прямо как этой ночью, когда Аскарага и нашли.

Улыбка мгновенно сошла с лица Батырбека.

Шерхан остановил машину у ограждения технологической площадки. За натянутой между столбами верёвкой топтался молодой полицейский в плащ-палатке, то и дело поглядывая то на плотный брезент у водосброса, то на тёмный зев шахты — с видом человека, который уже сам не понимает, кого здесь охраняет: место происшествия или себя от места происшествия.

— Наконец-то, — с нескрываемым облегчением выдохнул он, увидев машину. — Я тут уже два часа сам с собой в шахматы играю — то ли демона жду, то ли смены.

— Экспертиза из города, — коротко представил их Кайсар.

— Слава богу. А то у меня фонарик сел, а я говорить с темнотой вслух начал, — полицейский посторонился, пропуская сыщиков. — Вы это... быстро смотрите, ладно? А то я до утра тут один за старика и за демона одновременно отвечать не подписывался.

Батырбек присел на корточки у брезента, натянул тонкие перчатки и аккуратно откинул край ткани. Старик лежал на боку, неестественно подогнув левую ногу, у самого подножия высокого бетонного уступа.

— Шея сломана, ссадины на голове, — сказал Батырбек просто, вся ирония мгновенно ушла из его голоса. — Упал с высоты, ударился о камень. Умер сразу. Шерхан, взгляни на его чапан.

Пола старого, стёганого чапана была разорвана вдоль шва — будто кто-то с силой рванул ткань снизу вверх.

— Нитки все торчат кверху, — Шерхан присел рядом. — Если бы драл зверь, нитки летели бы в стороны, как от расчёски. А тут — ровно вверх, будто ткань зацепилась за что-то острое, когда он падал. И вот здесь, — он посветил на торчащий из уступа железный штырь, — клочок этой же ткани. Он падал, зацепился рукавом, но вес утянул его дальше.

— А умер от испуга ещё до удара, — добавил Батырбек. — Сердце и так, наверное, пошаливало, а тут что-то напугало так, что он не заметил, как шагнул мимо края.

Кайсар, не решаясь подойти ближе, комкал в руках капюшон куртки:

— Значит... значит, его правда что-то напугало? Не просто сердце подвело?

— Именно это мы и выясняем, — Шерхан поднялся и зашагал по осыпи наверх, туда, откуда упал старик.

При свете фонаря на свежем, ещё мягком бетоне чётко отпечаталась цепочка следов — огромных, будто их оставила собака размером с телёнка.

Полицейский, до этого державшийся невозмутимо, украдкой провёл ладонью по груди и на всякий случай отступил ещё на шаг — а затем, будто спохватившись, что это заметили, деловито поправил фуражку.

— Баскербай-демон... — прошептал Кайсар. — Старики говорили, он выходит, когда на плотине грешат! А стройка и правда еле ползёт — обещали сдать ещё весной, а конца края не видно.

— У вас в ауле что ни бедствие, то сразу и обвиняемый готов, и приговор, — заметил Батырбек. — Быстрее, чем в районном суде.

Шерхан присел на корточки, не трогая след, и посветил сбоку, под углом:

— Кайсар, представьте: вы бежите. Нога сначала бьёт вниз сильнее, чем встаёт, — вы отталкиваетесь. И след впереди всегда глубже, чем сзади. А тут — оба одинаковой глубины. Будто кто-то просто поставил печать на тесто и убрал, не наступив.

— То есть... это не зверь?

— Это что-то, что оставляет один и тот же отпечаток каждый раз, — Шерхан направил луч чуть в сторону, туда, где на бетоне виднелась смазанная полоса. — И, судя по всему, ваш «демон» ходит в сапогах сорок второго размера.

Кайсар мгновенно отскочил и выставил вперёд ноги в огромных грязевых сапогах:

— У меня сорок третий! Честно! Хотите, стельку покажу?

— Не стоит, я и так вижу — у вас шнурки завязаны намертво двойным узлом, а у демона, надо полагать, была бы обувь попроще, — Шерхан поднялся, отряхивая колени. — Лучше покажите нам, где у вас ветеринарный пункт и где дежурит ночной сторож Ербол. Пора узнать, какая именно «мистика» заставляет реветь эту плотину.

Полицейский за их спинами наконец позволил себе выдохнуть и, судя по звуку, украдкой перекрестил фонарик — на всякий случай, если тот тоже слушал.

Глава 2. Гость из-за океана

Аскара-ага похоронили на второй день, как и полагается — тело мусульманина земле не доверяют долго. Сельский мулла прочёл дуа у свежего холмика на аульном кладбище, старухи всплакнули, мужчины разошлись по домам поминать чаем и куырдаком, а Шерхан с Батырбеком, вернувшись с похорон, застали у дома покойного странную картину: у ворот стоял арендованный внедорожник с номерами алматинского проката, а рядом, растерянно озираясь на невысокие мазанки аула, топтался высокий мужчина в дорогой, явно не рассчитанной на казахстанскую грязь обуви.

— Не иначе делегация из области, — пробормотал Батырбек, вылезая из «Фольксвагена».

— Делегация из области ездит на казённых «Prado», а не на прокатных «Ленд Крузерах» с наклейкой турагентства на бампере, — заметил Шерхан, разглядывая гостя. — И делегация не смотрит на казан с таким лицом, будто впервые в жизни видит открытый огонь.

Мужчина, заметив их, обрадованно шагнул навстречу — и тут же чуть не упал, зацепившись дорогим ботинком за арык.

— Извините... вы, наверное, те самые детективы из Алматы? Мне сосед сказал, вас ждать. Я... — он неловко протянул руку. — Артур. Артур Аскаров. Аскар-ага — мой дядя.

— Соболезнуем, — Шерхан пожал руку. — Прилетели издалека?

— Из Хьюстона. Три пересадки, — Артур устало потёр переносицу. — Я узнал только вчера утром — тётя дозвонилась через WhatsApp, связь еле ловила. Гнал как мог, но... — он кивнул в сторону кладбища, — не успел на похороны. Даже попрощаться толком.

— Двадцать лет в Штатах, — заметил Шерхан, разглядывая его, — а вы всё ещё интуитивно кланяетесь, здороваясь со старшими. Привычка не выветрилась.

Артур смущённо улыбнулся:

— Мама следила. Говорила: «Хоть в Америке живи, хоть на Луне — адаб не забывай».

— Мудрая женщина, — заметил Батырбек. — А акцент, я слышу, тоже не совсем выветрился — сразу видно, что английский вы учили позже казахского.

— Есть такое, — Артур виновато развёл руками. — Уезжал в двадцать три, дядя тогда ещё писал мне на казахском, я отвечал ему на смеси всего на свете — он смеялся, говорил, что переписывается сразу с тремя разными племянниками.

При упоминании дяди голос Артура дрогнул, и он отвернулся к машине, будто что-то там искал, — на самом деле просто пряча повлажневшие глаза.

— Аскар-ага вам писал в последнее время? — осторожно спросил Шерхан, дав ему секунду прийти в себя.

— Писал, — Артур кивнул, справившись с собой. — Последний год — особенно часто. Волновался за плотину. Присылал мне какие-то свои записи, замеры — говорил, что не доверяет официальным отчётам, что цифры «не бьются». Я, если честно, не особо вникал — думал, старик по привычке ворчит, как все инженеры на пенсии. А теперь... — он тяжело вздохнул, — теперь думаю, может, зря не вникал.

— А эти записи у вас сохранились? — тут же спросил Шерхан, и в его голосе впервые за разговор прозвучал профессиональный, а не соболезняющий интерес.

— В почте где-то есть, — пожал плечами Артур. — И он говорил, что держит бумажный дневник — «на всякий случай, если с электронной почтой что-то случится». Я, честно говоря, приехал в основном ради похорон и... — он замялся, — юрист сказал, я наследник дома. Надо разобрать вещи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.